

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ
ТРУДЫ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЕКТОРА
СЕКЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

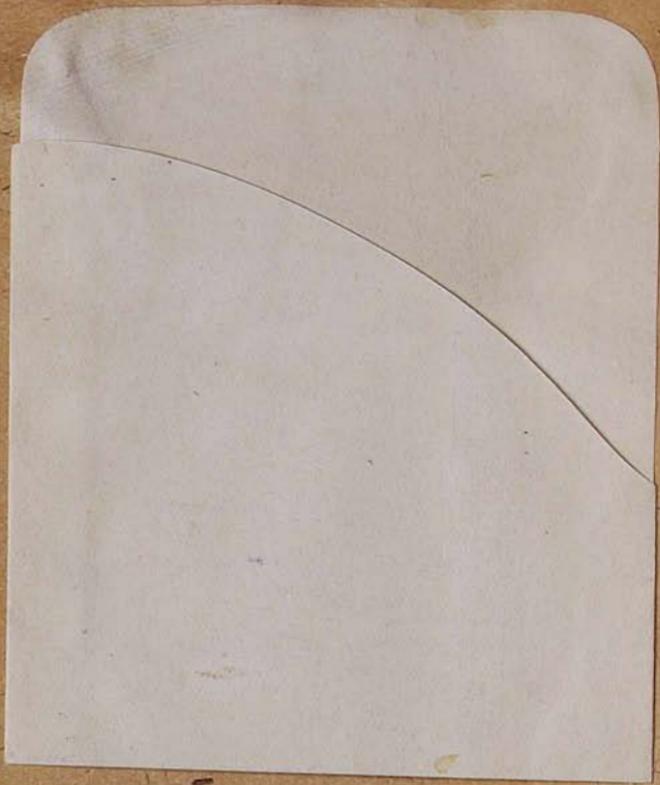
Проф. Я. А. МАНАНДЯН

ЗАМЕТКИ О ФЕОДЕ И ФЕОДАЛЬНОМ
ВОЙСКЕ ПАРФИИ И АРШАКИДСКОЙ
АРМЕНИИ

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА КАВКАЗОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ
НАУК СССР. ТИФЛИС. 1932

9(A)
M-23

21

9(48.925)

М-23

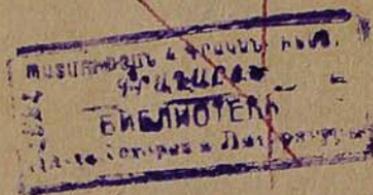
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ
ТРУДЫ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СЕКТОРА
СЕКЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ФОРМАЦИИ

Проф. Я. А. МАНАНДЯН

ЗАМЕТКИ О ФЕОДЕ И ФЕОДАЛЬНОМ
ВОЙСКЕ ПАРФИИ И АРШАКИДСКОЙ
АРМЕНИИ

66759

Р
48586

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА КАВКАЗОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ
НАУК СССР. ТИФЛИС. 1932

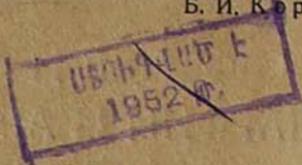
Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР.
Непременный секретарь академик В. Волгин.

Редактор издания академик

Н. Я. Марр.

Технический редактор

Б. И. Корнеев.

4799

1-я тип. Полиграфтрета ВСНХ Грузии

Глав. № 1516,

Зав. 1861

Тир. 600.

В исторических трудах европейских и русских ученых твердо и безоговорочно установилось мнение, что войска парфян, воевавшие против римских полководцев Красса и Антония, состояли, главным образом, из рабов.

Мнение это основано, несомненно, на сообщениях Плутарха и Юстина. По свидетельству Плутарха (Crassus XXI), выступивший против Красса парфянский военачальник Сурен имел лично армию в 10.000 всадников, которые были его рабами (δοῦλοι). В Epitoma из Historiae Philippicae Помпея Трога более подробные сведения о социальном составе парфянского войска дает, кроме того, Юстин в следующем сообщении (XLI, 2):

«Войско их состояло не из свободных, как у других народов, но большею частью из рабов (servitiorum), количество которых постоянно разрасталось, так как не было обычая отпускать рабов на волю и вследствие этого все они рождались рабами. Как их, так и своих свободных, они с одинаковой заботой и с большим усердием обучают езде на лошадях и стрельбе из лука. Чем богаче кто-либо из них, тем он больше всадников доставляет своему царю для войн. Когда Антоний начал войну против парфян и ему навстречу выступило 50.000 всадников, только 400 из них были свободные...» [«Exercitum non, ut aliae gentes, liberorum, sed maiorem partem servitiorum habent, quorum vulgus nulli manumittendi potestate permissa ac per hoc omnibus servis nascentibus in dies crescit. Hos pari ac liberos suos cura et equitare et sagittare magna industria docent. Locupletissimus, ut quisque est, ita plures in bella equites regi suo praebet. Denique Antonio bellum Parthis inferenti cum L milia equitum occurissent soli CCCC liberi fuere»].

Крайне любопытно, что этот же автор в дальнейшем описании внутреннего быта и социального строя древней Парфии дает о парфянах и их рабах диаметрально противоположное сведение в следующем отрывке (XLI, 3):

«они постоянно ездят верхом; на конях они воюют, пируют и отправляют общественные и частные дела; на них же они едут, отдыхают, торгуют и совещаются. Свободные отличаются от рабов именно тем, что рабы ходят пешком, а свободные ездят постоянно верхом...» [«Equis omni tempore vectantur; illis bella, illis convivia, illis publica ac privata officia obeunt; super illos ire, consistere, mercari, colloqui. Hoc denique discrimen inter servos-liberosque est, quod servi pedibus, liberi non nisi equis incedunt»].

В приведенных свидетельствах Юстина имеется, несомненно, непонятное противоречие. В первой части его сообщения говорится о том, что конное войско парфян состояло почти целиком из рабов, которых наравне с свободными обучали езде на конях, во второй же части имеется, напротив, указание, что рабы, в отличие от свободных, ходили постоянно пешком.

Упустив из виду несуразность этих спорных данных, ученые использовали их без надлежащей критической проверки не только для выяснения состава парфянской конницы, но также и определения социальной структуры древнепарфянского общества.

У Гутшмида, например, в его «Истории Ирана» (Alf. von Gutschmid, Geschichte Irans und seiner Nachbarländer, Tübingen, 1888, стр. 33) указано, что в древней Парфии незначительный слой свободных господствовал над массой холопов (Krechte). По мнению Адонца, общество у парфян распалось на свободных и рабов. «Количество рабов—говорит Адонц—постоянно разрасталось вследствие того, что у них не было обычая отпускать на волю. В виду малочисленности свободных, главный контингент войска составляли рабы вопреки тому, что принято у других народов» («Армения в эпоху Юстиниана»,

С.-Петербург, 1908, стр. 385). Подобные же утверждения обычны в других трудах по истории Парфии и Рима, в которых подробно описаны римско-парфянские войны эпохи Красса и Антония.

Указывая на расчленение конного войска и всего населения древней Парфии на немногочисленный слой свободных и подавляющую массу рабов, ученые отмечают одновременно, что общественно-политический строй у парфян соответствовал, по существу, западно-европейскому феодализму. На самом же деле, представление о преобладающей роли рабства в военном и хозяйственном строе Парфии трудно совместимо с феодальной организацией и социальной структурой Аршакидского и Сасанидского Ирана, зачатки которых имелись также и в Ахеменидской Персии.

Эти явные противоречия в научных трудах объясняются, мне кажется, тем, что свидетельства Юстина, несмотря на внутреннюю непримиримость сообщаемых им сведений о рабах, служили основным источником для познания социального состава населения Парфии. Ошибка ученых заключалась в том, что они не обратили внимания на путанность терминологии античных писателей, описывающих внутреннюю жизнь феодальных стран Востока. Германский ученый Фридрих Фрам в своем недавно вышедшем исследовании о значении текстов Цезаря и Тацита, как исторического источника (*Fr. Frahm, Cäsar und Tacitus als Quellen für die altgermanische Verfassung. Ein Beitrag zur Kritik ihres Sprachgebrauchs*, см. *Historische Vierteljahrschrift*, 1928, XXIV, 2, стр. 145—181), совершенно правильно указал, что при помощи римских терминов крайне трудно выразить своеобразие общественных отношений древних германцев. Это ценное указание Фрама приложимо также и к словопотреблению Плутарха и Юстина в отношении феодальной Парфии. Как мы увидим ниже, термины *servitium* и *δούλος* обозначают в приведенных нами свидетельствах не рабов в подлинном смысле этого слова, а подвластных сеньорам вассалов или сервов, в том переносном значении этих слов, в каком они употреблялись в государствах феодального типа. Следова-

тельно, при правильной интерпретации свидетельств Плутарха и Юстина отпадают не только невероятное количество рабов в социальном составе парфянской конницы, но и те противоречия, которые отмечены выше в сообщениях Юстина и в основанных на них обобщениях историков и исследователей.

Предлагаемое мною толкование вышеуказанных свидетельств Плутарха и Юстина подтверждается с несомненной ясностью данными армянских источников о феодальной войне Аршакидской Армении. Армения, как известно, уже во время Ахеменидского владычества являлась составной частью Древней Персии и находилась под сильным культурным воздействием Ирана. Процесс социальной дифференциации и аристократизации страны происходил и здесь, как и в Иране, в одинаковых условиях распада родового строя. Позднее, когда утвердилась в ней династия Аршакидов, под влиянием парфянской государственности и на аналогичных с Аршакидской Парфией государственно-правовых основах окончательно оформился в Армении феодальный или нахарарский строй, который возник постепенно и существовал уже в предшествующие эпохи. Поэтому вполне понятно, что реконструкция феодального строя Аршакидской Армении, представляющего в своих основных и характерных особенностях полную параллель с феодальной Аршакидской Парфией, дает нам опору также и для выяснения феодального правопорядка государства парфян и Сасанидской Персии.

О феодальной войне Аршакидской Армении имеются подробные сведения, главным образом, у армянского историка Фауста. Из сообщаемых им сведений ясно и определенно видно, что конница феодальной Армении состояла не из рабов или же зависимых крестьян, а из социально привилегированных «азат»-ов, которые по своему социальному и, как увидим ниже, также и экономическому положению, соответствуют «благородным воинам» или рыцарям средневековой феодальной Европы. Древнеармянские историки называют поэтому войско это «войском, состоявшим из азатов» или же «азатских отрядов» и «азатских групп»: *ազատիկազար* (Фауст III, 21, изд. 1889,

стр. 55), *ազատագունդ բանակ* (Фауст IV, 15, стр. 126, IV, 55 стр. 175, V, 24, стр. 223 и Агафангел, гл. 110, Тифлис 1909, стр. 412) или же *ազատախուժք բանակ* (Фауст III, 11, стр. 26).

Для выяснения состава войск Аршакидской эпохи представляют интерес также и следующие свидетельства Фауста.

1. Фауст, История Армении, IV, 55, стр. 174:

«Когда же Парандзема, царица армянской земли, жена царя Аршака, увидела, что войска персидского царя пришли и наполнили страну армян, взяла с собою людей, около одиннадцати тысяч, азатов, отменных, вооруженных, воинственных, и вместе с ними отправилась и вступила в крепость Артагерс...» [*Ապա իբրև ետես տիկին աշխարհին Հայոց կինն Արշակայ թագաւորին Փառանձեմ զգորս թագաւորին Պարսից, և թե եկին լցին զաշխարհս Հայոց, առեալ ընդ իւր մարդիկ իբրև մետասան հազար ազատս ընտիրս սպառազինս պատերազմողս, և հանդերձ նոքօք զիմեաց եմուտ ի բերդն Արտագերից*“].

2. Фауст, V, 2, стр. 193:

«Мушег же сын Васака, стрателат Великой Армении, избрал себе мужей, отменных, единомышленных, азатов, родовитых, сорок тысяч, единоголосных, единовольных, и снабдил их конями, окладом и оружием» [*Ապա Մուշեղ որդի Վասակայ, սարսատեւատն Հայոց մեծաց, ընտրեաց իւր արս ընտիրս միամիտս ազատս ազգայինս քառասուն հազար, միարանս միակամս, և կնգմեաց զնոսս ձիով և թողակաւ և զինու*“].

Как видно из сообщений древнеармянских источников, «азат»-ы представляли собой широкий слой мелких землевладельцев и мелкой знати, главным образом, социально привилегированных всадников, резко отличных как от рабов, так и зависимых крестьян. Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что конная служба была привилегией знатных не только в средневековой феодальной Европе или же в античном Риме и в Греции, но и в Аршакидской Армении.

Феодальное общество Аршакидской Армении делилось на три основных социальных слоя. Верхний слой составляли на-

харарские или княжские роды, наследственные владетели княжеств или крупных доменов, обладавшие в своих владениях правами государственной верховной власти. Нахарарства эти были вассалами армянских Аршакидов или же подвассалами окраинных мощных княжеств. Вторая промежуточная группа состояла из вышеозначенных «азат»-ов, которые были вассальными слугами или Аршакидских царей или же крупных и малых нахараров-сеньоров. Ниже всего по своему общественному положению стояли прикрепленные к земле зависимые крестьяне, называемые «шинакан»-ами, которые, как выяснено в одном из предыдущих моих исследований (см. «Заметки о положении шинаканов древней Армении в эпоху марзпанства», Известия Госуниверситета Армении, Эривань, 1925, № 1), были лично свободны и напоминали во многом византийских колоннов.

Из сведений армянских источников мы знаем, что «азат»-ы, для которых обязательна была служба в Аршакидской и в нахарарских конницах, не только ничего общего не имели с рабами, но нередко они сами имели зависимых крестьян и домашних рабов. Их привилегированное положение как социальное, так и имущественное видно, между прочим, из косвенных указаний Шаапиванского устава. Согласно постановлениям этого устава, за определенные правонарушения «азат»-ы обязаны были платить церкви денежные штрафы, которые были вдвое больше, чем аналогичные штрафы, уплачиваемые «шинакан»-ами, и сообразно с этим вдвое больше были и цифры штрафов, которые получали «азат»-ы с нарушителей их прав. Судя по этим данным, ко времени Шаапиванского собора (в 443 г.) знатный «азат» ценился вдвое выше «шинакан»-а, в таком же соотношении предполагалось, повидимому, и различие в имущественном их состоянии. Из правил того же устава явствует, что «азат»-ов нельзя было подвергать телесным наказаниям, а исключительно лишь денежным взысканиям. У армянского историка Лазаря Парпского имеется также указание, что «азат»-ов легко было отличать от «шинакан»-ов по их внешнему виду (III, 77, Тифлис, 1904, стр. 142). Как известно, различие во

внешности и в одежде существовало между *âzât*-ами и крестьянами также и в Сасанидской Персии (см. Arth. Christensen, *L'empire des Sassanides*, Kobenhavn, 1907, стр. 45).

Для уяснения сущности вассального положения «азат»-ов наибольший интерес представляет, несомненно, вопрос о существовании феода в нахарарской Армении. Вопрос этот подробно рассмотрен мною во втором выпуске «Материалов по истории экономической жизни древней Армении (см. Известия Госуниверситета Армении, № 4, Эривань, 1928, стр. 43—52 и 73—74). Поэтому мы ограничимся здесь лишь кратким изложением тех наших выводов, которые проливают совершенно новый и неожиданный свет на военно-ленный характер «азат»-ского землевладения.

Как выяснено мною в означенном исследовании, путем внимательного анализа содержания дарственных актов, приведенных у армянского историка Степаноса Орбеляна, не только подтверждается существование феодов или ленов, предоставленных в пользование и владение «азат»-ам, но устанавливаются и самые термины, которые по своему значению соответствовали средневековым терминам феода и феодату. Институт условного землевладения, западно-европейский феодал, фьеф или лен, известен был в нахарарской Армении под словом *խոստակ* «хостак», а держатель феода (*feodatus*, *Lehnsträger*) назывался «хостакдар»-ом *խոստակդար*.

Хотя «хостак»-и и «хостакдар»-ы упоминаются впервые в Уставе албанского царя Вачагана (см. История Агван Моисея Каганкатваца, прв. К. Патканьяна, С.-Петербург, 1861, стр. 67) и в дарственных актах 839, 844, 867 и 906 годов (см. *Սահմանադրութիւնն Օրբելեան, Պատմութիւնն նահանգիւն Միսական, Թիֆլիս* 1911, гл. 39, 40, 43, стр. 206, 207, 219 и 233), однако, из сопоставления этих свидетельств с другими аналогичными сообщениями армянских источников нетрудно было усмотреть, что не только в девятом и седьмом столетиях, но и в Аршакидскую эпоху существовали церковные «хостак»-и, которые в виде платы за службу представлялись в фактическое пользование и владение (*dominium utile*) церковно-служебному персона-

ду, при чем право полной собственности (*dominium directum*) на эти земли принадлежало церкви. Наделение духовенства условно-земледельческими участками, как указано в истории Фауста (V, 31, изд. 1889 г., стр. 237) и Агафангела (гл. 119, изд. 1909 г., стр. 436), имело место в четвертом веке нашей эры.

Из сопоставления статьи 6-й Устава Вачагана со статьей 2-й Шаапиванских правил и с 5-ым постановлением Правил Нерсеса и Нершапуха можно было заключить, что «хостак»-и передавались духовенству в наследственное владение, а потому участки эти, наследуемые от отцов, назывались *հարկահի*, т. е. «отчими». Из смысла тех же канонических постановлений было видно, что у духовных лиц, владеющих «хостак»-ами под условием службы, земли эти отбирались церковью, если они совершали тяжкое преступление, а также в случае невежества, неграмотности и несоответствия их духовному званию.

Таким образом, основываясь на изложенных данных, можно было заключить, что еще в эпоху Аршакидов существовало в Армении церковно-ленное землевладение с теми существенными признаками наследственности и условности, которые характерны для феодалов, фьефов или ленов феодальной Европы. Наследственность этих церковных ленов была возможна в древней Армении, так как наследственны были здесь в определенных родах и самое священство и духовное звание.

Как известно, своеобразной особенностью древне-армянской церкви была ее нахараризация или феодализация, которая состояла, главным образом, в том, что внешнее устройство церкви сложилось здесь почти всецело под влиянием нахарарско-феодальной организации. По своим правам духовенство занимало в Аршакидскую эпоху привилегированное положение, соответствующее положению «азат»-ов, наравне с «азат»-ами оно имело свободу от податей и, мне кажется, не подлежит никакому сомнению, что церковно-ленное землевладение возникло и развилось в полном соответствии с военно-ленным землевладением «азат»-ов.

Что феодалы и поземельно-феодальные отношения являлись одним из существенных элементов нахарарского строя, на это

указывают и данные о «хостакдар»-ах, которые сохранились в истории Степаноса Орбеляна. Из приведенных у этого историка дарственных актов 9—10 столетия нетрудно усмотреть, что «хостакдар»-ами или держателями «хостак»-ов назывались вассалы крупных сеньеров, свободные от налогов «азат»-ы, которые обязаны были нести службу с земли, главным образом, военную. Тот же институт военно-ленного землевладения существовал, несомненно, в более древнее время, в эпоху марзбанства и в период владычества Аршакидов. Подтверждением правильности такого вывода могут служить не только существование церковных феодалов в 4-м веке, но также пехлевийское древнее происхождение терминов *խոստակ* «хостак» и *խոստակդար* «хостакдар» (=phl. *xvâstak* „Besitz, Eigenthum“ и phl. *xvâstakdâr* „Besitzhalter“, см. Н. Hübschmann, *Armenische Grammatik*, Leipzig, 1897, стр. 161). При наличии параллелизма между церковным строем и нахарарским можно предположить, что «хостак»-и, выделенные «азат»-ам под условием службы, являлись такими же условно-наследственными феодами, как и «хостак»-и церковные.

Приведенные данные о существовании в нахарарской Армении феодала—«хостак»-а представляют интерес, прежде всего, тем, что они ставят под сомнение утверждения тех ученых, которые условное землевладение феодала считают явлением, принадлежащим исключительно западно-европейскому феодализму. Данные эти, кроме того, крайне важны не только для выяснения нахарарского строя Армении, но также и для исследования и освещения феодальных взаимоотношений в древней Парфии, в Сасанидской Персии и в странах северного Закавказья.

В результате изучения армянских источников мы получаем, таким образом, ценные сведения о социальном положении «азато»-ов, а также и о структуре феодальной организации Аршакидской и нахарарских конниц. «Азат»-ы это, несомненно, широкий слой мелкой знати и мелких землевладельцев. Преобладающее большинство их состояло, повидимому, из держателей феодалов или «хостакдар»-ов, которые были свободны от налогов, но обязаны были нести с полученной земли воен-

ну службу в коннице. Следует также отметить, что в Аршакидскую эпоху как военное землевладельческое сословие «азат»-ов, так и остальные группы населения представляли собою замкнутые сословия.

При указанном выше параллелизме нахарарского строя с социальным укладом древне-иранских соседних государств, не может быть сомнения, что «азаты»-ы Аршакидской Армении соответствовали по существу *âzât*-ам Сасанидской Персии и Аршакидской Парфии.

Социальное положение *âzât*-ов Сасанидской Персии выяснено, как известно, в вышеуказанном труде А. Christensen-a „L'empire des Sassanides. Le peuple, l'état la cour“ Kobenhavn, 1907, стр. 44—45. По мнению Christensen-a, *âzât*-ы Сасанидской Персии представляли собой широкий слой нисшей знати и мелких землевладельцев, включавший в свой состав, вероятно, и всадников, являвшихся цветом Сасанидской армии. Имея в виду близкое сходство их с «азат»-ами Армении, мне кажется, вполне вероятно, что и в Сасанидской Персии преобладающая часть *âzât*-ов владела наследственными феодами или «хостак»-ами и находилась в такой же феодальной зависимости от крупных сеньеров, как и «азат»-ы нахарарской Армении. А так как Сасанидская Персия унаследовала существовавший в Парфии социальный уклад, то можно, очевидно, с полной уверенностью предположить, что военно-ленное землевладение привилегированного сословия *âzât*-ов было характерным учреждением не только Аршакидской Армении, но и тесно связанной с ней Аршакидской Парфии. Лучшим доказательством этому могут служить, между прочим, и самые армянские термины *ազատ* «азат», *խոստակ* «хостак» и *խոստակաճար* «хостакдар», которые являются иранскими терминами, общими у армян с парфянами и персами. Как указано в вышеозначенном моем исследовании («Материалы по истории экономической жизни древней Армении», II, стр. 74), пехлевийское слово *xvâstak-dâr*, которое тождественно с армянским «хостакдар»-ом, означает по смыслу не «наследник», как полагают пехлеви́сты (см.

Н. Hübschmann, Armenische Grammatik, стр. 161), а держатель *xvâstak*-а или феода.

Все сказанное, мне кажется, безусловно исключает возможность обычной концепции приведенных сообщений Плутарха и Юстина. Можно считать твердо установленным, что в Аршакидской Армении, как и в Аршакидской Парфии, конница состояла, главным образом, из социально привилегированных всадников «азат»-ов, которые являлись «хостакдар»-ами или феодалами и такими же благородными держателями земли, как и западно-европейские рыцари. Ошибка ученых, как указано выше, заключается в том, что они свидетельства Плутарха и Юстина поняли в буквальном смысле и не обратили внимания на спорную особенность их терминологии.

Имея в виду несоответствие между греческими и латинскими терминами и социальными отношениями феодальной жизни Востока, нетрудно притти к выводу, что под *δοῦλο* и *servitium* подразумеваются у Плутарха и Юстина феодальные сервы-вассалы, но отнюдь не сервы-рабы. Такое толкование подтверждается вполне той терминологией, которой обозначались в нахарарской Армении и, очевидно, также и в феодальной Парфии, взаимные отношения соподчиненных феодальных групп.

В нахарарской Армении главные термины, обозначающие сущность зависимости нисших феодальных групп от верхних, термины *ժառանգ*, *ժառանգաբեր*, *ժառանգել* тождественны по значению с русскими терминами «слуга, служба, служитель» и западно-европейскими терминами „*vassus*, *servitium* и *servire*“. Одновременно *ժառանգը*, назывались в древней Армении также и рабы. Понятно, что *ժառանգ* в значении слуги или вассала не имело ничего общего с настоящими рабами и одинаково означало как нахарара князя, так и «азат»-а и «шинакан»-а, находившихся в служебных или в зависимых отношениях к Аршакидам или же к крупным и мелким сюзеренам.

Мы видим, таким образом, что в социальной терминологии древних армян одни и те же термины *ժառանգ* и *ժառանգաբեր* обозначали понятия, хотя и однородного порядка

службы и зависимости, но все же резко друг от друга отличающиеся. Поэтому, подчеркивая конкретное содержание служебных и зависимых отношений, армянские источники отмечают особо различия Մտնաշուկ-Թրևն или службы отдельных социальных групп. В отличие от вассальной и феодальной службы (Ի սիսմու Մտնաշուկ-Թրևն, см. Фауст V, 31, стр. 237, Елисей I, изд. 1864 г., стр. 18—19 и др.) службу «шинакан»-ов и рабов они называют службой в податном состоянии (Ի հարկի Մտնաշուկ-Թրևն, см. Фауст V, 9, стр. 214, V, 18, стр. 217 и V, 19, стр. 217) и службой в положении рабов (Ի ստրկաց Կարգի Մտնաշուկ-Թրևն, см. Моисей Хоренский II, 50, стр. 178). Несмотря, однако, на эти различия, все эти группы по отношению к своим сеньерам и господам одинаково назывались Մտնաշը или слугами, а в греческом переводе, как видно из найденной в Маяфаркине греческой надписи армянского царя (см. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, Bd. I, Berlin 1910, стр. 410—429), одинаково обозначались словом δούλοι.

Данные эти ясно указывают, что свидетельства античных писателей о внутренней жизни Востока не могут быть использованы без предварительной критики, так как в отношении чуждой им феодальной организации терминология их имеет очень часто не прямой и буквальный, а совершенно иной и особый смысл. Внутренняя противоречивость цитированного выше сообщения Юстина объясняется, как видим, тем, что термин *servitium* употреблен у него, повидимому, не в обычном смысле раба, а в особом и специальном значении древнеармянского слова Մտնաշը, соответствующем феодальному термину „vassus или слуга“. Не подлежит также сомнению, что и вышеозначенное свидетельство Плутарха следует понимать в том смысле, что десяти тысячное войско парфянского военачальника Сурена состояло также, как и нахарарские войска Аршакидской Армении, из социально привилегированных всадников «азат»-ов, которые владели, вероятно, феодами «хостак»-ами и были отнюдь не рабами, а его феодальными «слугами».

Таким образом, предположение о чрезмерном количестве рабов в составе населения в древней Парфии оказывается яв-

ным недоразумением, основанным на неправильной интерпретации свидетельств Плутарха и Юстина. В феодальной Парфии, как и на всем Востоке, хотя рабство, несомненно, существовало, но оно по объему явления не может, конечно, идти ни в какое сравнение с рабством Древней Греции и Рима. Преобладающую роль играло в феодальных странах Востока не рабство, а крепостное и зависимое крестьянство.

Следует отметить, что в свидетельствах античных авторов термины *δοῦλοι* и *servi* употреблялись не только по отношению к крупным и мелким феодалам, но также и по отношению к нисшей социальной группе крестьян. У Страбона, например, в его известном описании социального строя древней Грузии о нисшем слое населения Грузии имеется следующее сообщение:

«Четвертый [род людей состоял] из простолюдинов, которые являются рабами базилевсов и обслуживают всем [необходимым] для жизни»... [*τέταρτον δὲ τὸ τῶν λαῶν, οἱ βασιλικοὶ δοῦλοι εἰσὶ, καὶ πάντα διακονοῦντι τὰ πρὸς τὸν βίον*]¹.

В приведенном отрывке *λαοὶ* и *δοῦλοι*, как совершенно правильно полагает Джавахов, обозначают зависимых крестьян, социальное положение которых, по его мнению, приблизительно соответствовало колонату (см. «Государственный строй», стр. 71). Крайне спорно, однако, предположение Джавахова, будто к началу первого века *λαοὶ* и *δοῦλοι* имелись только у царского рода. Предположение это основано на обычном переводе и толковании свидетельств Страбона о *βασιλικοὶ δοῦλοι* и о *βασιλεῖς*-ах древней Грузии, поэтому считаем не излишним сопоставить рядом обычный и предлагаемый мною перевод соответствующего текста Страбона.

¹ Strab., Geographica XI. 3. В переводе нашем допущены сравнительно с переводом акад. Латышева и Джавахова (см. «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», СПб. 1890, стр. 140 и «Государственный строй древней Грузии и древней Армении» СПб. 1905, стр. 8) существенные отступления, так как в описании Страбона, как увидим ниже, речь идет не о царском роде Грузии, а о главах-базилевсах.

1. Strab. XI, 3—*Ἔτταρχ δὲ καὶ γένη τῶν ἀνδρώπων οἰκεῖ τὴν χώραν ἐν μὲν καὶ πρῶτον, ἐξ οὗ τοὺς βασιλέα; καθίστασι, κατ' ἀρχιστείαν τε καὶ ἡλικίαν τὸν πρεσβυτάτου, ὁ δὲ δεύτερος δικάσῃ τε καὶ στρατηλάτῃ.*

2. Перевод Джавахова (стр. 8).—«Четыре рода людей населяют страну: один и первый из них, из которого ставят царей, по близости и возрасту самого старшего [после умершего царя],—второе же [лицо после царя] отправляет правосудие и предводительствует войском».

3. Предлагаемый мною перевод—«Четыре рода людей населяют страну: один и первый из них, из которого ставят *базилевсов*, по близости и возрасту самого старшего [в каждом роде *базилевсов*],—второе же [лицо в каждом роде *базилевсов*] отправляет правосудие и предводительствует войском».

Предлагаемый новый перевод я считаю возможным и вполне вероятным, так как у Страбона речь идет не о происхождении царской власти, а о социальном составе древне-грузинского общества. Можно поэтому с уверенностью предположить, что цитированное свидетельство относится не к царскому роду, а ко всем высшим княжеским родам, при чем под словом „βσιλέας“ во множественном числе означены, по видимому, старейшие члены этих родов, которые являлись политическими властителями.

Если толкование это окажется приемлемым, в этом случае, обычные представления о социальной структуре древней Грузии потребуют, несомненно, коренного пересмотра.

Придерживаясь означенного толкования, необходимо, конечно, предположить, что к началу первого века нашей эры древняя Грузия находилась не под единоличным и исключительным управлением грузинских царей, а целой группы политических властителей, названных у Страбона базилевсами. Можно одновременно предположить, что описанная у Страбона социальная структура древней Грузии близко сходна с социальной организацией древней Армении. Вышеуказанные базилевсы соответствуют, по видимому, главам нахарарских родов,

«наһапет»-ам или «танутер»-ам феодальной Армении, войны, занимавшиеся в мирное время земледелием,—древнеармянским «азат»-ам, а «простолюдины, обслуживавшие всем необходимым для жизни»,—древнеармянским «шинакан»-ам. Вполне понятно, что при новой этой концепции под *basilicoi douloi* следует подразумевать зависимых крестьян не только царского рода, но также и остальных властителей-базилевсов.

В предлагаемом измененном понимании сообщения Страбона социальный строй древней Грузии, казавшийся примитивным и первобытным, на самом деле, оказывается довольно сложной феодальной формацией, родственной по существу с нахарарским строем феодальной Армении. Любопытно при этом, что социальный состав войска древней Грузии оказывается аналогичным составу войск древней Парфии и Аршакидской Армении и состоящим из социально привилегированных воинов. Были ли эти воины держателями «хостак»-ов,—это, конечно, трудно решить за отсутствием конкретных сведений.

После того как выяснилось, что термин *servitium* имеет у Юстина значение вассала, нетрудно, мне кажется, установить в том же свидетельстве Юстина также и вероятный смысл термина *liberi*.

Согласно цитированному выше свидетельству Юстина, выступившая против Антония конница парфян состояла из 50.000 всадников и «только 400 из них были свободные». Исходя из этого сообщения, ученые приходят обычно к выводу, что социальная группа свободных в сравнении с несметным количеством рабов составляла в Аршакидской Парфии лишь незначительную часть населения. Такая малочисленность свободных или *liberi*, конечно, подозрительна и крайне невероятна. Возникает поэтому вопрос: что собственно следует разуметь под термином *liberi* у Юстина?

При выяснении значения *liberi* необходимо принять во внимание, что почти весь состав парфянской конницы состоял, как сказано выше, из социально привилегированных *azat*-ов всадников, которые, представляя собой широкий слой мелкой знати и находясь в вассальной или феодальной зависимости от

крупных сеньеров, считались «свободными», как и рыцари феодальной Европы. Это видно, между прочим, из древнеармянского перевода Библии и Евангелия, в котором для передачи понятий свободный и свобода, т. е. греч. *ἑλευθερος* и *ἑλευθερία* употребляются арм. *ազատ* и *ազատութիւն*. Аналогичное значение имело, как известно, и иранское слово *âzât*. Не может быть поэтому сомнения, что парфянские всадники *âzât*-ы, хотя они у Юстина и обозначены термином *servitium*, но, на самом деле, они были *liberi*.

Из этих новых данных и соображений о парфянской коннице с полной очевидностью вытекает, что в цитированном свидетельстве Юстина термин *liberi* не соответствует вовсе конкретным отношениям древне-парфянской жизни и относится, несомненно, не к широкой массе вышеозначенных «свободных» или *liberi*, а к какому-то иному социальному слою парфян. Если же иметь в виду, что в пятидесятитысячной армии парфян имелось по Юстину всего четыреста *liberi*, то нетрудно догадаться, что под этим термином *liberi* обозначены у Юстина члены высшего слоя парфянской знати, тех правящих и господствующих в Парфии родов, которые соответствовали по существу княжеским или нахарарским родам древней Армении.

Обозначив при помощи произвольного термина *servitium* основную массу всадников *âzât*-ов, являвшихся слугами-вассалами политических властителей Парфии, вполне естественно, что автор вышеозначенного свидетельства «свободный» или *liberi* должен был предположить членов высшего слоя правящих родов.

Итак, на основании наших заметок о феоде и феодальном войске Парфии и Аршакидской Армении, мы приходим к твердому убеждению, что тексты античных писателей, которые служили основным источником для познания социально-экономической жизни Ближнего Востока, отличаются запутанностью терминологии и внутренней противоречивостью сообщаемых сведений. Использование данных армянских источников представляется, как видим, необходимым подспорьем при толковании текстов античных авторов.

Вышеизложенные наши выводы убеждают нас также и в том, что изучение нахарарского строя древней Армении дает нам возможность говорить о феодальном строе Парфии и других ближневосточных стран с несколько большей степенью достоверности, чем это могло бы быть сделано раньше.

~~USA 1751 01 1971 P~~

552

ԳԱՍ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0268693

Цена 1 руб.

483380